

Александр АГАЛАКОВ

ТАЙНА КЛАДА СЕРГЕЯ ЛАЗО

Истории с золотыми кладами, наряду с описанием местных красот и природных богатств, составляют наиболее привлекательную часть литературы и устных преданий о Сибири. Самое интересное: в них мало что придумано. Сибирские пространства обширны, события величественны, а всевозможные клады — разбойничьи, старательские, государственные, промышленные, военные — могут поразить воображение читателя как количеством спрятанного, так и количеством усилий, которые были затрачены на укрытие, а затем и на поиск ценностей.

Мал золотник, да на глазок

В России на территориях «за Камнем» (за Уральскими горами) — в Сибири и на Дальнем Востоке, — простирающихся до Тихого океана, неделю, а то и месяц находиться в пути, проходя «пропастьми, снегом и лесом», было делом обыденным. Точных сроков никто не придерживался. В миллионных сделках купцы договаривались устно, били по рукам, товар принимали на глазок. На начало XX века в Сибири продолжала действовать древняя система мер, и главное ее богатство — золото в слитках, мелочью, крошкой и песком — учитывали в золотниках. Мера, которая в поговорке определена фразой «мал золотник, да дорог», равнялась 4,1 грамма. «Усушка и утруска» драгоценного металла при доставке в пункты приема золота с потерей десятых долей грамма ничего не значила. Золотник как бы оставался цел. Кисеты со шлихом приятно согревали сердца добытчиков. Однако при расчетах старателей с представителями центральной власти в ход шла новая европейская система мер с десятыми и сотыми долями.

Столичные чиновники и приемщики драгметалла производили расчеты строго в граммах, не позволяя вести дела по-сибирски, на глазок. Для учета государственных запасов драгоценных металлов и при осуществлении межгосударственных расчетов также использовались привычные нам меры веса «килограмм» или «тонна». Поэтому почти невероятными представляются события 1920 года, когда не простые сибиряки, а облеченные властью люди, с гербовыми печатями в руках и наганами в кобурах, имевшие дело с золотом и еще более дорогой по тем временам платиной, вели счет на пуды (пуд — 16 килограммов и 380 граммов) и отчитывались за объем «побольше тысячи пудов» золота, который принимался ими на веру и брался на подотчет без должного документального оформления.

Расскажем об одной малоизвестной «золотой» истории периода Гражданской войны. Тогда перемещение по Сибири сравнительно небольшого отряда красногвардейцев было, с одной стороны, связано с доставкой боеприпасов, с другой — с поиском и возвратом больших государственных ценностей. «Цена вопроса» в этой истории была соизмерима с исчезновением из эшелона адмирала Колчака царского золотого запаса, пропавшего при остановках на станциях Омск, Тайга и Тыреть. Утонул ли он в озере Байкал, прилип к рукам белочехов, был растрочен белогвардейцами на покупку военной амуниции или просто растащен бандитами — до сих пор достоверно не установлено.

Идея золотого клада

Архивные документы, связанные с учетом «тысячи пудов золота», сильно удивили новосибирского историка В. С. Познанского, изучавшего тему рейдового бандитизма в Сибири. Гражданская война «за Камнем» после того, как Восточный фронт белых развалился, пошла как вдоль Транссиба, так и векторными линиями, расходящимися от железной дороги и мест сосредоточения банд по направлению к приискам, станциям и городам, где можно было грабить банки и население. Обширная таежная территория в то время напоминала «лоскутное одеяло» периода феодальной раздробленности, и в каждом «лоскутке» имелся «князек» определенного окраса. По этому «одеялу» с целью поживиться сновали туда-сюда остатки белых войск, белочехи, китайские бандиты, японские и прочие интервенты. Американский экспедиционный отряд добрался до Иркутска, где янки задирали прохожих и хулиганили на улицах. В населенных пунктах поменьше правили доморощенные бандиты. Японская марионетка атаман Семенов орудовал в Забайкалье. «Черный барон» Унгерн безумствовал в Давурии и Монголии, поглядывая на Тибет. Предводитель Сахалинского областного правительства красный партизан Яков Тряпицын взорвал и сжег почти все дома в городе Николаевске, предварительно убив всех находившихся там белых и японцев, что осталось в истории как Николаевский инцидент. Чекист Меер Трилиссер занимался кровавым установлением большевизма в Амурской области. Идеей буферной зоны вокруг Владивостока вдохновился еще один большевик — Сергей Лазо*. Этот буфер ему не позволили создать японцы, зато с подачи Москвы

Сергей Лазо

* *Сергей Георгиевич Лазо (1894—1920)* — русский дворянин, офицер Русской императорской армии. После Октябрьской революции 1917 года — советский военачальник и государственный деятель, принимавший активное участие в установлении советской власти в Сибири и на Дальнем Востоке, участник Гражданской войны.

в 1920 году формально возникла ДВР — Дальневосточная республика с границами от Байкала до берегов Охотского и Японского морей. Но все равно политическая картина оставалась пестрой: полевые командиры копили силы и собирали средства для продолжения борьбы за деньги и власть. Во всеобщей атмосфере страха и неопределенности у Лазо возникла идея золотого клада, которым, в случае чего, могут воспользоваться товарищи по партии. Однако загадка того, как конкретно бывший царский подпоручик Лазо собрал при рейдировании больше тысячи пудов золота, почти сто лет оставалась неразгаданной.

В 1920 году, когда в Сибири то затухала, то разгоралась Гражданская война, в штабе Красной армии задумали авантюрную операцию двойного назначения. Местные большевистские лидеры знали о грандиозном кладе, который получил и спрятал в амурской тайге их боевой товарищ Лазо, жизнь которого преждевременно и трагически закончилась сразу после того, как золото было вывезено в отдаленное место и заложено в тайник. Последний распорядитель клада погиб, но его труды не должны были пропасть даром. Тысяча пудов золота как средство международных платежей была остро необходима советской власти. Валютные ценности требовались Дальневосточной республике для приобретения оружия, боеприпасов и продовольствия. Поэтому с вызволением клада из амурской тайги носителю советской власти в Сибири — Сибревкому — следовало поспешить. Красные начальники решили, что для исполнения миссии спецотряд в тайгу отправится не налегке, а возьмет боеприпасы для красных партизан. По прибытии в секретное место красноармейцы были должны найти, откопать и вывезти на «большую землю» клад, который находился в буферной зоне между территорией, оккупированной японцами, и ДВР. Поскольку до столицы было очень далеко и Красная армия вела войну с панской Польшей на западе и Врангелем в Крыму, растрачивать усилия на военные действия с Японией Советская Россия никак не могла.

ДВР решала эту проблему, сдерживая японцев. А дотянуться до границы РСФСР, пролежавшей по Байкалу и впадающей в него реке Селенге, японской императорской армии было сложно. Формально ДВР являлась независимым мелкобуржуазным государством, где, в частности, начинался и опробовался нэп (новая экономическая политика большевиков). Фактически же ее правительство, находившееся в Верхнеудинске (ныне Улан-Уде), следовало указаниям из Москвы. Но, по большому счету, в этих местах издавна правили только медведь — как известно, хозяин тайги — и сила оружия. На огромных пространствах Восточной Сибири и Дальнего Востока можно было встретить много вооруженных формирований: отряды белых, красных, оккупационных войск, сибирских атаманов, хунхузов (китайских бандитов) и разбойничьи шайки «повстанцев», орудовавших на дорогах, в тайге и по берегам рек.

Золото губит души

В конечном итоге все душегубы, злодействовавшие в период Гражданской войны в Сибири и на Дальнем Востоке, получили по заслугам. После Великой Отечественной войны отработанный японцами материал — атаман

Семенов — был схвачен, быстро осужден и повешен в Москве. Барона Унгерна расстреляли еще в 1921 году в Новониколаевске в здании ЧК — доме купца Маштакова. Годом ранее недалеко от сожженного большевиком Тряпицыным города Николаевска труп поджигателя выбросили в выгребную яму заговорщики из его отряда. С чекистом Трилиссером коллеги покончили в 1940 году, обвинив его в измене Родине. Трагическая судьба Лазо оказалась запутанной, как и тайна его клада.

Пятого апреля 1920 года во Владивостоке, Хабаровске и других городах Дальнего Востока, после спровоцированного красными партизанами конфликта, вылившегося в Николаевский инцидент, японскими вооруженными силами были повсеместно низвергнуты ревкомы. Предвидя такую опасность, командующий партизанами в Приморье Сергей Лазо поступил мудро. Он предложил переправить золотой запас Дальневосточной республики из Владивостока и других пунктов хранения в более надежное место. Военный совет Народно-революционной армии и флота ДВР решил вывезти драгоценности в амурскую тайгу. Ночью, соблюдая предосторожность, груз золота и платины вывезли из мест хранения, соединили в одно целое и через несколько недель доставили в Амурскую область. Эмиссар правительства ДВР чекист Меер Трилиссер распорядился надежно охранять «*достояние рабочих и крестьян*» на отдаленном руднике Лебедином в таежном междуречье Зеи и Тимптона. И это золото дошло до советских приемников.

В это время решалась судьба самого Лазо. Вероломные японцы, схватив руководителей Приморья С. Г. Лазо, А. Н. Луцкого и В. М. Сибирицева, передали их в руки белых уссурийских казаков-бочкаревцев, которые зверски расправились с троицей. Самого Валериана Бочкарева и его банду ликвидировали только в 1923 году. По одной версии, в топку паровоза марки Ел-629, стоящего сейчас на постаменте в г. Уссурийске в виде памятника, палачи бросили трупы замученных жертв, по другой — сожгли живых людей. В советской исторической литературе была принята вторая версия. Согласно третьей версии, как сообщила еще в апреле 1920 года японская газета Japan Chronicle, после жестоких пыток, имевших целью выведать места хранения спрятанного золота, оккупанты расстреляли Сергея Лазо во Владивостоке в местечке Эгершельд и там же сожгли его тело.

Вокруг да около клада

Следует отметить, что сибирская жизнь Лазо была лишена кабинетной рутины. Он постоянно находился то на митингах и в походах, то в боях, стычках или в подполье. До нас дошла одна из историй о том, как революционер собирал золото, часть из которого так и не вернулась в свое время в руки товарищей по партии. Летом 1919 года группа партизан под руководством Сергея Лазо под натиском отрядов японцев и белых отступала вдоль Транссиба в сторону Якутии. В коротком ожесточенном бою под поселком Новоивановский (ныне Стрелка) партизаны сходу нанесли поражение отряду белоказаков, охранявших прииск Ларинский. Охранники бежали. В качестве трофея победителям досталось все имевшееся там золото, которое было

конфисковано в пользу победы над врагами революции. Однако вскоре фортуна повернулась к удачливым партизанам неприглядной стороной.

Слух о захвате ларинского золота молниеносно пронесся по тайге, и на его выручку ринулись любители легкой поживы в лице хунхузов, белогвардейцев и японцев, действовавших разрозненно, но в одном направлении. Преследуемые превосходящими силами противника, партизаны отошли от Транссиба и двинулись по горной тропе в сторону поселка Тындинский (ныне Тында), представлявшего собой несколько домов, склады и трактир. Владелец трактира, некий Шкарубо, отвел партизан на свое дальнее зимовье, где гонимые получили возможность отдохнуть, почистить оружие и переждать опасность. Расслабляться долго не пришлось. Дальревком активизировал борьбу с интервентами и потребовал бросить все силы против японцев. Лазо решил идти на соединение с основными силами в Приморье. Поскольку путь предстоял дальний и трудный, лишнее оружие, боеприпасы и золото партизаны спрятали в пещере в 2,5 верстах от зимовья Шкарубо, и завалили камнями вход. Полвека спустя один из немногих уцелевших партизан побывал в местах, где ему когда-то пришлось укрываться. По прошествии многих лет человеческая память ослабла и тайга изменилась. Поэтому золотой схрон так и не нашли.

По другой легенде клад найден благодаря усилиям НКВД. В 1930-е годы в эти места якобы приезжал бывший хозяин заимки Шкарубо, эмигрировавший ввиду беспредела, чинимого по принципу: «красные пришли — грабят, белые пришли — грабят». Из-за границы, где ему жилось голодно, он вел переписку с работниками НКВД о том, что покажет клад весом в *четыре мешка золота* (вот еще одна сибирская мера веса «на глазок»!), состоявший из второстепенной «закладки» Лазо и собственноручно намытого Шкарубо «золотишка». Выдачу ценностей бывший хозяин оговорил условием, что ему будет отдана половина найденного. Разумеется, в НКВД ослабились и дали согласие. Когда человек возвратился с чужбины, его сопроводили в тайгу, где расстреляли и закопали там же, где раньше было спрятано золото. В самом деле, зачем даром руки бить, если готовая яма имеется?

Самые жадные до золота

Во время Гражданской войны на Дальнем Востоке свирепствовали хунхузы — особые бандитские шайки, специализирующиеся на грабеже приисков. Они нападали на старателей и перевозчиков драгметалла. Появлялись китайские бандиты всегда неожиданно и также внезапно исчезали. Много позже, в советское время, выяснилось, что под рекой Амур из Китая в Россию были прорыты подземные переходы. Упоминалось о четырех из них длиной 40, 60, 90 и 120 км! Переходы имели вентиляцию и места отдыха. По этим-то переходам китайцы проникали в Сибирь с единственной целью — грабить и убивать, отбирать золотые слитки, самородки, зернистое золото, золотой песок и ших. Хунхузы были стихийными бандитами.

Государственным организованным грабежом в начале 1920-х годов на той же территории занимались интервенты — американцы и японцы. Янки остались грабить Сибирь на неопределенный период под благовидным предлогом: якобы с целью обеспечения безопасной эвакуации по железной дороге

соотечественников и европейцев, включая белочехов. Заодно интервенты вывозили лес, шкуры, мех, руды и другие материальные ценности. Японцы, с согласия американцев, стремились оккупировать дальневосточные территории вплоть до Байкала. Для этого воины Ямато (прежнее название Японии) даже шли на провокации. Еще до общего вооруженного выступления некоторые японские командиры предпринимали рейдерские атаки на амурские города. Места были разные, но цель одна — разжиться ресурсами и золотишком. Например, 19 сентября 1918 года два батальона японских войск под командованием капитана Судзуки на грузовиках с прицепленной артиллерией ворвались в город Зею. Самураи расстреляли из орудий стоявший на реке Зея напротив городского парка пароход «Телеграф» с красноармейцами. Команда и пассажиры были добиты в воде из винтовок, пленных не брали. Это был запланированный захват, подготовленный шпионской деятельностью. После его осуществления скромный местный часовщик вдруг появился на улицах города в форме офицера японской императорской армии и принял деятельное участие в установлении нового порядка. В частности, он был замешан в расстрелах большевиков и лиц, сочувствующих советской власти. Начался период японской оккупации с более-менее установленным порядком.

Так, 17 мая 1919 года обеспокоенные размахом бандитизма на приисках зейские золотопромышленники обратились к капитану Судзуки «с покорнейшей просьбой срочно командировать в район приисков, расположенных по реке Гилуёй, воинский отряд для уничтожения шайки хунхузов, которые производят убийства и грабежи на приисках». Опасаясь за собственные жизни, японцы на Гилуёй не пошли. Зато, когда уходили из Зеи, решили прихватить на память *несколько десятков пудов золота* из местного казначейства. На паромной переправе через реку Уркан японский отряд ожидали парламентареры — двое здоровенных бородачей свирепого вида, обвешанных оружием. Японцам заявили, что партизаны их пропустят только тогда, когда все награбленное золото будет возвращено. Бородачам оно тоже было необходимо. Японское командование пыталось объяснить, что солдаты везут военные трофеи, а по условиям перемирия их обязаны беспрепятственно пропустить к железной дороге. Однако бородачи были непреклонны, переправу держали на замке, и японцам пришлось расстаться с золотым призом, который они уже считали своим. Дальнейшая судьба этого золота неизвестна.

Золотой мандат

Однако вернемся к кладу на прииске Лебедином. Его передача в собственность ДВР являлась первостепенным делом. В это время одной из насущных проблем председателя Сибревкома Ивана Смирнова было снабжение боеприпасами и оружием партизан Приморья, которыми после гибели Лазо командовал Дмитрий Шилов. Историк Познанский разыскал секретные сибревкомовские телеграммы, посланные Смирновым из Омска главнокомандующему Народно-революционной армией (НРА) ДВР: «Для партизан Шилова 26 мая из Омска отправлено с Шатовым (министром транспорта ДВР. — А. А.) миллион патронов». Спустя две недели главком НРА ДВР Генрих Эйхе, которому поручили доставку боеприпасов из Прибайкалья

в Амурскую область, доложил о невозможности выполнить задание, так как «подходы к Шилову заняты противником». Тогда Смирнов отдает командованию армии приказание «выяснить возможность подачи патронов по Вилюю или Олекме на базу Амурской области». Военная разведка, рапортуя Смирнову о результатах поиска связи с партизанами Шилова, в числе прочих сведений сообщила о прииске, где хранилось золото ДВР. Тогда у руководителей Сибревкома возникла идея увязать доставку боеприпасов в Приморье с вывозом золота в Советскую Россию. Делу придали характер чрезвычайной важности.

В конце июня 1920 года к командарму вызвали военного коменданта Иркутска Петра Савлука, до этого бывшего комендантом во многих городах, которые освобождала Красная армия. Савлук оставил у горожан недобрую память о себе как о жестком управленце, который обеспечивал работу органов советской власти как справедливым наложением трудовых повинностей на буржуазию, так и жесткими реквизициями необходимых ресурсов у рядового населения. Савлук прожил долгую жизнь, но воспоминаний не оставил. Возможно, потому, что имел 2 класса образования. В царское время служил матросом, в революцию перешел к красным. В Гражданскую войну назначался комендантом Симбирска, Уфы, Челябинска, Омска, Томска и Иркутска. Из Иркутска Петр Савлук прибыл в Омск, где в Сибревкоме получил следующий мандат:

Удостоверение

Предъявитель сего т. Савлук Петр Федорович есть действительно начальник Особой экспедиции, на которую возложено выполнение задачи чрезвычайной важности, а посему Савлуку предоставляется право неограниченного привлечения к выполнению заданий всех могущих быть полезными лиц, право пользоваться всеми средствами передвижения и сообщения как водными, так и сухопутными, право пользования проволочным и беспроволочным телеграфами и прямыми проводами. Военные власти, все ревкомы и все профессиональные и другие гражданские организации обязаны оказывать т. Савлуку полное и безусловное содействие, предоставляя в его распоряжение все технические силы и средства, и необходимое количество рабочих рук, что подписями с приложением печати удостоверяется.

Реввоенсовет 5 армии: Матиясевич, Б. Позерн.

Историк В. С. Познанский отмечает, что, вручив Савлуку всесильный «золотой» мандат, реввоенсовет в лице Михаила Матиясевича и Бориса Позерна со вторым документом, картой маршрута, начальника Особой экспедиции лишь ознакомил. В силу сверхсекретности карта осталась у начальника Особого отдела в сейфе, причем делать копии и перерисовки с нее запретили. Руководствуясь лишь единожды увиденным и удержанным в голове, Савлуку предстояло преодолеть тяжелый путь. От Иркутска требовалось на автомобилях доехать до пристани Качуга на Лене, на пароходе добраться до Олекминска, затем подняться по Олекме на мелких судах, минуя пороги, в том числе опаснейшее Чертово горло, до поселка Енюки. После всего этого предстояло еще около 900 верст пробираться таежной тропой до прииска Лебединый.

Выбор Сибревкомом начальника экспедиции был не случаен. Савлук был способен лучше, чем кто-либо другой, изъять у буржуев и спекулянтов необходимое снаряжение, товары и продукты. В истории Томска комендант Савлук оставил красноречивые свидетельства своей деятельности. В числе прочего он в ультимативной форме предложил местному ревкому конфисковать у горожан мебель и мешкотару, ванны и унитазы, запасы бумаги и одежды, лампочки и велосипеды. Даже за несдачу спортивных снарядов (мячей, гантелей, штанг, теннисных ракеток) в «спортивный» отдел ревкома следовало строгое наказание — заключение в концентрационный лагерь! Таким образом, обеспечение спецотряда всем необходимым для похода легло на плечи бывалого человека, который ни за словом, ни за кулаком в карман не лез. Они у него были всегда наготове. С целью обмена у населения на необходимое снаряжение для отряда с государственного склада в Иркутске Савлуку выдали 5 тысяч аршин мануфактуры. В г. Киренске разрешилось взять с собой 160 ведер спирта — «валюту» для речных лоцманов и таежных проводников из числа аборигенов. Продукты питания и транспорт бывший профессиональный комендант добывал привычным методом — конфискациями у населения. Экстренная подготовка к походу заняла две недели. Начальнику Особой экспедиции предстояло собрать большое количество табака, чая, охотничьих припасов, спичек — все это ценится в тайге больше денег. Вышеперечисленное Савлук собрал, чем ожесточил иркутян. А 17 июля 1920 года в подчинение Савлуку придали отряд из 184 бывших партизан армии Петра Щетинкина, которые провели в Иркутске еще одну крупную реквизицию. Из-за непроходимости Якутского тракта для грузовых машин красноармейцы отняли у крестьян, приехавших на рынок, лошадей и телеги. Бунтующих расстреливали на месте. На следующий день Особая экспедиция с обозом в 120 подвод тронулась в путь. При некотором недостатке патронов (950 тысяч вместо 1 миллиона обещанных) партизаны везли 75 ящиков гранат и 8 пулеметов с запасом снаряженных лент. Воевать было можно.

Примите более тысячи пудов

Поход состоял из сплошных приключений. По воспоминаниям его участников, они выглядели молодцами и патриотами перед теми, у кого отбирали скот, продукты и телеги для продолжения похода. Это привело к ряду вооруженных выступлений местных жителей против советской власти. Тем не менее «достояние республики» удалось увести буквально из-под носа японцев и бандитов-хунхузов, которые находились на подступах к Лебединому. В Иркутск пришло долгожданное донесение Савлука:

Второго октября [1920 года] первая партия во главе с Козловым (Алексей Козлов — заместитель начальника особой экспедиции. — А. А.) с приска Лебединого вернулась. Личная связь с амурским командованием установлена. Доставка груза начнется нами в начале второй половины октября по санному пути. <...> По личному ознакомлению Козлова, в Лебедином перевозка ценностей амурской экспедицией произведена крайне небрежно, есть до десяти ящиков разбитых. Сведений и документов о составе груза нет. <...> Ценности на Лебедином находятся в опасности, так как в районе

бродят большие шайки хунхузов, разграбляя прииски, могут добраться до Лебединого, тем более что груз перевозили без сохранения секрета.

По прибытии в конечный пункт маршрута члены экспедиции стали договариваться с эвенками, чтобы те за табак и спирт перевезли золото на оленьих упряжках в надежное место. Пока перепившие оленеводы соображали о выгодности предприятия, произошло неожиданное событие. Международное положение вынудило Японию эвакуировать оккупационные войска из восточного Забайкалья. А 22 октября 1920 года войска НРА ДВР, разгромив банды атамана Семенова, вступили в Читу. Вскоре туда из Верхнеудинска перебралось правительство ДВР. Петр Савлук получил шифротелеграмму:

Срочно, секретно. 3 декабря 1920 года. Лебединый прииск. Нач-экспедиции Савлуку. Транспорт направляйте немедленно в Читу в распоряжение уполнаркомвнешторга (уполномоченного Наркомата внешней торговли. — А. А.) Гроссмана. Охрана может быть Амурской армии, но сопровождать обязаны вы лично и лично сдать Гроссману. Позерн.

За трое суток через тайгу в 50-градусный мороз партизаны доставили золото и платину с прииска Лебединого на железнодорожную станцию Большой Невер. Сколько при этом золота пропало из разбитых ящиков, никто не подсчитывал. В середине декабря Петр Савлук сдал драгоценности Гроссману. В Чите произвели подобающий в таких случаях учет достояния республики. Золото поступило в оборот ДВР, которое стало функционировать как независимое государство и надежный буфер между РСФСР, Японией и Китаем.

Лихие времена, лихие люди, или Ограбление читинского банка

В то время, когда историк Познанский изучал замысловатый маршрут золотого обоза Савлука, его читинский коллега Александр Баринов разгадывал загадку: куда делось золото из Читинского государственного банка после ограбления в 1918 году? И каким образом оно вновь вернулось в этот банк в конце 1920 года и составило основу финансовой системы Дальневосточной республики? Само ограбление было знатным и вошло в историю мировых банковских ограблений.

Прежде всего, несмотря на недостаток объективных свидетельств произошедшего в ночь на 25 августа 1918 года, динамичную картину банковского ограбления не раз живописали на страницах своих книг местные авторы. Писатели Илья Чернев в романе «Мой великий брат», Константин Седых в «Даурии» и Василий Балябин в «Забайкальцах» не обошли творческим вниманием налет анархистов на злополучный банк. У всех трех авторов описания ограбления сделаны в стиле вестерн — с маузерными выстрелами, взрывами гранат и падающими телами охранников. Отличались лишь фамилии главарей: налетчиками руководил то Пережогин, то Лавров, а третий писатель упомянул некоего Караева. Красочных моментов было много и в экранизации «Даурии», где блистали такие звезды, как братья Соломины, Михаил Кокшенов, Василий Шукшин, Александр Демьяненко, Игорь

Дмитриев и Ефим Копелян. Для Читы и ее жителей это было знакомо — история ограбления банка передавалась из поколения в поколение. Многие семьи читинцев до сих пор хранят золотые монеты и кусочки золота, оставшиеся с тех времен.

Пока красные боролись с белыми, между ними болтались политические попутчики — бряцающие звонкими лозунгами анархисты, любители выпить, пограбить и перераспределить, хватая чужое имущество жадными руками с черными звездами на рукавах. Среди этих последователей Михаила Бакунина выделялся Ефим Пережогин. О нем один из участников Гражданской войны в Забайкалье Димов рассказывал:

По улицам Читы, помню, ходил тогда анархист Пережогин. Человек примерно в сажень ростом, на голове седые кудрявые волосы, одет в белую брезентовую рубашу и шаровары защитного цвета, в необыкновенно высокие сапоги, за поясом револьвер, на ремне две бомбы, в руках дубинка метра в полтора длиной и трубка с чайный стакан с полуметровым чубуком. Этот великан расхаживал по [улице] Амурской с личной охраной и вел агитацию против Советов.

Обчистив банк перед очередным переходом власти от красных к белым, веселые анархисты двинулись на восток. К этой художественной фактуре добавляются нюансы. Золото увезли то ли на грузовике, то ли на семи подводах. На вокзале при перегрузке один мешок порвался, монеты раскатились по перрону. Тем временем анархисты успели запрыгнуть в отъезжающие вагоны и укатили, оставив благодарных жителей собирать золотые монеты на память. В пути задержать авантюристов не получилось. Веселый отряд двигался в Маньчжурию, чтобы уйти за кордон и переждать лихие времена, как это вскоре сделал атаман Семенов, укравший 120 ящиков с золотом. Вскоре анархисты оказались в Благовещенске, где еще держалась советская власть. Там они продолжили кутеж. Награбленное золото растаскивалось,

Анархисты-пережогинцы. Реконструкция

кусочки слитков продавали на рынках, шла меновая торговля. Золотая лихорадка охватила Благовещенск. Две недели пережогинцы гуляли в городе, но вскоре банду разоружили, а главаря убили в перестрелке. Однако складная версия о том, что все золото из читинского банка похитили анархисты, оказалась не совсем верной. «Это-то и был главный вымысел. Анархисты действительно похитили золото, но только его часть», — говорит историк Баринов.

Актеры (действующие субъекты) и «драматурги»

Лихое ограбление читинского банка и золотые экспроприации в других местах от Иркутска и до Владивостока — на приисках, станциях, в банках, госконторах, городах, дацанах (буддийских монастырях) — наводят на мысль о том, что изъятие запасов драгметаллов проводилось организованно, при этом умышленно «стрелки переводились» на маргинальных лиц. Такой подход был свойствен большевикам. В романе «Бесы» Ф. М. Достоевский наглядно показал сущность первых социал-демократов, творящих зло чужими руками или ловко выставляющих ширмы для сокрытия злодейства, совершенного по идейным соображениям. Так случилось и в этот раз.

Сначала Читу атаковала саранча в портуях. Газета «Забайкальский рабочий» с горечью писала 6 августа 1918 года:

На наш несчастный городок налетела саранча гастрологов из Иркутска. Приехали люди военного вида, увешанные ремешками, биноклями, побрякушками, словно цыганская лошадь. У каждого в кармане мандат, что он член или инструктор Сибирского военного комиссариата, и не простой рядовой, а повыше. Заняли эти господа [гостиницы] «Селект» и «Даурию», и пошел разгул вовсю. Шампанское рекой льется.

В этот же день 6 августа, как удалось узнать местному краеведу Артему Власову, иркутские военные с мандатами Сибирского военного комиссариата разоружили несколько милицеевских участков Читы. Предлогом послужила необходимость вооружить изъятым оружием красногвардейцев, отправляющихся на фронт, который неумолимо приближался. При этом накануне атаки на Читу и прихода белоказаков Евангела Трухина советская власть не позаботилась об усилении конвоя в банке. А после эксцесса милиционеры вяло имитировали деятельность по возврату золота, растекшегося по рукам населения. В общем и целом, закрепилось мнение, что милиция сделала все, что могла в тех условиях, которые сложились, и 12 сентября 1918 года Читинская городская дума рассмотрела протокол специальной комиссии об ограблении банка и приняла постановление: «Признать, что милиция в день переворота 25 августа сделала все, что было в пределах ее возможностей, и больше от нее требовать нельзя».

После громкого ограбления уходящая из Читы советская власть выступила с гневными заявлениями. Вот что говорилось в обращении «К трудящимся братьям!», с которым в августе 1918 года выступил один из лидеров советской власти в Забайкалье Дмитрий Шилов: «Сегодня ночью два отряда, предводительствуемые презренными, морально разложившимися людьми, пользуясь доверчивостью караула, разграбили золото в Государственном казначействе и бежали, изменнически предавая товарищей».

Чита. Ограбленный в 1918 году банк

Оказывается, грабительских отрядов было два. Один под руководством анархиста Пережогина/Лаврова/Караева. А второй чей? Причем выстрелов и взрывов, ярко описанных в художественной литературе, не было. Вооруженные люди зашли в банк, оттолкнули охранников, без шума и пыли забрали золото и ушли. Целый век эта бескровная операция оставалась тайной, тщательно охраняемой для того, чтобы не уронить в грязь облик большевиков-революционеров, боровшихся за свободу и благосостояние народа.

Неподалеку от Читы на станции Урульга бежавшие коммунисты устроили показушный «разбор полетов»: провели конференцию, на которой приняли решение прекратить организованную борьбу с белыми и интервентами и начать партизанскую войну. Вторым вопросом шло обсуждение ограбления банка. В последующем сведения об этой конференции засекретили, а утечки в печать сопровождалась гневными окриками большевика Шилова. По его мнению, «горячечные выступления некоторых товарищей легко понять в болезненно-нервной обстановке того времени, но превращать их в исторические документы, характеризующие облик погибших товарищей, несправедливо и непростительно». Много позже, в 1952 году, на полях рукописи воспоминаний Дмитрия Шилова, хранившейся в партархиве Читы, можно было увидеть примечание «вышестоящего товарища» цензора о вредности описания того, как на читинском вокзале люди делят золото. Мол, это бросает тень на советский отряд. Получается, что в грабеже банка были замешаны не только улепетывающие анархисты, но и бегущий отряд большевиков? При этом красные «драматурги» не хотели раскрывать подлинную правду, хотели скрыть свое участие в хищении золота и сосредоточили интригу на одних анархистах, выставив их основными виновниками в глазах общественности, чтобы не вызвать порицание в свой адрес. Историк Баринов справедливо констатирует, что все эти годы, от момента

экспроприации до написания мемуаров, именно Дмитрий Шилов был тем человеком, который знал всю правду о судьбе пропавшего золота от начала и до конца.

Не одни анархисты на золото нацелились

Дело представлялось следующим образом. Чита на какое-то время перед приходом белых и чехословаков стала центром золотой перевалки. Местного золота в Государственном банке находилось до 40 пудов и 360 пудов серебра. Помимо этого богатства, из Иркутска доставили еще 106 ящиков с золотом общим весом до 200 пудов. В общей сложности получилось 4 тонны золота и 6 тонн серебра. Если учесть, что из амурской тайги экспедиция Савлука вернула в Читу таинственные 16 тонн золота и платины, то только по золоту выходит такая «нескладушка»: 4 тонны (или, по некоторым данным, половина от этого количества), полежав в земле два года, чудесным образом превратились в 16 тонн. Эту арифметическую загадку внимательный читатель решит в конце повествования. А пока перед своим отступлением из Читы большевики решили золото... потратить. Бумажные деньги в Сибири не котировались, советская власть хромала, а воинские части и железнодорожники требовали на довольствие и за работу расчета в твердой валюте. Иначе — очередной бунт, осмысленный и беспощадный. Для того чтобы спокойно сбежать из города, коммунистам требовалось рассчитаться по задолженностям: по денежному содержанию со служивыми и по зарплате с пролетариями. Воинские части получили примерно 960—1120 кг золота, 576 кг передали Забайкальской железной дороге, угольщикам Черемхово отправили примерно 320 кг, рудокопам Черновских и Арбагарских копей — 256 кг. В итоге в банке к моменту ограбления оставалось около 2 тонн золота и несколько тонн серебра. Приведенные цифры отражали реальность. Но словам большевиков, покидавших город, верить было нельзя. Поскольку не только анархисты явились в банк, чтобы поживиться оставшимся золотишком.

По этому поводу на Урульчинской конференции возник шум и гам. В присутствии 117 делегатов председатель Читинского облизполкома левый эсер Иван Бутин прямо сказал:

Самый большой вопрос, кто принимал участие в ограблении. Оно наложило грязное пятно на наше знамя, надо признать, что наиболее ответственные товарищи явились главными организаторами и вдохновителями преступления, разрушив тем наши планы... Преступники перед революцией, они оттолкнули от нас рабочие массы, которые стали обвинять во всем комиссаров. В их глазах теперь советская власть — сплошное грязное пятно... Поэтому все мы поставлены перед необходимостью не только вернуть золото, но и реабилитироваться.

Накануне падения советской власти в Чите 26 августа 1918 года паника нарастала, усугубляемая слухами о том, что белочехи окружают город. На свободный выход из него оставалось только два часа. Поэтому мешкать и оформлять бумажки для конфискации золота было некогда. «Военная саранча» поступила в духе Гражданской войны, удовольствовавшись грабежом. Она прикрылась политическими попутчиками-анархистами, которые

весело и пьяно потребовали и получили свою долю. В суматохе отступления было трудно разобраться, кто свой, кто чужой. Налетчики были возбуждены, трясли перед носами перепуганных банковских служащих оружием и всеильными мандатами.

На конференции звучали реплики: «Творилась кругом гадость, задуманная, быть может, значительно раньше, [которая] и создавала атмосферу паники». — «А мне по секрету было известно об ограблении часа за два. Мне сообщили: не доверяйте банде, вас окружающей». — «Что говорить тут об анархистах, золото унесли комиссары».

На фоне версии «золото унесли комиссары» органично смотрится история ограбления комиссарами золоторудного Петровского завода. Экспроприация золота произошла по схожей, однако не прикрытой анархистским маскарадом схеме. Сначала властям поступило ложное сообщение об ограблении Петровского завода, куда убыл ловить мнимых налетчиков командир Шелестов со 150 красноармейцами, которые окружили завод, разоружили охрану из 50 рабочих, вскрыли кассу и ушли. Исчезли пять пудов золота и 60 тысяч рублей. На переговорах с охраной Шелестов предлагал командиру рабочих 300 тысяч рублей за непротивление экспроприации. Золото вывезли на семи извозчиках и доставили под усиленной охраной на вокзал. В этом месте проверял пропуска уже знакомый читателю анархист Пережогин, который всегда был там, где блесло. Такими разбойными методами, наряду с белогвардейцами, белочехами, хунхузами и оккупантами, большевики грабили Сибирь. Они забирали золото с приисков, грабили банки, опустошали кассы золоторудных предприятий, чтобы финансировать будущие классовые бои.

Почему большевики предпочитали прятать ценности в земляных кладках? Потому что банковский вариант хранения ценностей себя не оправдал. Часть золота местные лидеры РСДРП(б) положили в китайские банки на противоположном берегу Амура. Однако хитрые китайцы разрешили им это сделать только на именные счета, а потом помогли белой контрразведке выловить их владельцев. В результате все красные вкладчики погибли. Именное золото большевиков осталось у коварных китайцев. Но львиную часть золотого запаса (16 тонн), награбленного по всей Сибири и Дальнему Востоку, коммунисты отправили на прииск Лебединый. За доставку и размещение клада отвечал Дмитрий Шилов. Этот пламенный большевик вместе с Лазо и другими красными командирами задумал «золотой экс», осуществил его, но всю жизнь об этом молчал, скрывая грязные стороны советской финансовой практики. Из всех «красных драматургов» уцелел он один.

Молчание — золото

Не удивительно, что никто из революционеров руководящего уровня не проронил ни слова о золотом кладе Лазо. Например, из Читы ввиду наступления противника уходил, помимо пережогинцев и лазовцев-шиловцев, третий «золотой обоз» красных под руководством командира Зиновия Метелицы. Возможно, с фигуры этого героического и одновременно трагического военачальника написал одноименный образ писатель Александр

Фадеев в романе «Разгром». Этому золотому отряду повезло меньше всех, когда вошедшие в Читу белогвардейцы распустили слухи об увозимом красными золоте. Как следствие, по следам Метелицы бросились все кому не лень. Его преследовали белоказаки, белочехи, вооруженные засады устраивали местные жители. В результате постоянных боев с людьми, охотившимися за золотом, силы отряда числом в 150 штыков таяли, но золотой обоз упорно шел вперед.

В верховьях реки Ингоды в селе Танга, где много лет спустя школьник нашел золотые слитки, отряд взял проводника Кривоносенко, который завел отряд в болото, сбежал и привел карателей. Золото, лежавшее на подводах, белые отобрали. Потом долго ловили разбежавшихся лошадей, на каждой из которых был приторочен груз золота. Много драгоценного груза пропало в пути и было спрятано при отступлении. Молчаливых рядовых бойцов охраны золотого обоза белоказаки зарубили шашками. Лишь один красноармеец, некий рябенький Федя, кланяясь в ноги офицеру, выдал килограмм припрятанного золота и вымолил жизнь. Метелицу и других командиров доставили в Читу и заключили в тюрьму, куда со всего Забайкалья свозили всех причастных к сбору золота большевиков. Их набралось около 100 человек. Заработал конвейер смерти главы контрразведки атамана Семенова. Прапорщик Валяев подвешивал, ломал, порол и жег комиссаров, требуя ответ на один вопрос: куда пошел основной (шиловский, лазовский, лебединский) золотой обоз? Никто из испытуемых не сломался, не обмолвился ни словом. Крепкие были люди. После страшных пыток комиссаров расстреляли. Впрочем, многие из них в плен предпочитали не сдаваться, хотя к золоту не имели никакого отношения. Например, направлявшийся в Якутию отряд Яковлева белые настигли, изрубили шашками, долго ковырялись в земле, но ничего не нашли. Также был изрублен отряд красных мадьяр, перед лицом смерти не просивших никакой пощады. Тайна клада Сергея Лазо была сохранена. И раскрыта благодаря сопоставлению самостоятельных и независимых друг от друга исследований историков Владимира Познанского и Александра Ба-ринова.
